

Константин Тотъе

Тюка
не наступили
сумерки

из цикла «Тюсьма
с Монмартра»

Константин Готье
Пока не наступили
сумерки. Из цикла
«Письма с Монмартра»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25278140

ISBN 9785448558207

Аннотация

Чтобы разобраться со своей проблемой, один идёт в бар, другой – к психологу, а Антуан пишет письмо. Его подсознание отторгает самые убедительные факты, и он, словно в погоне за заходящим солнцем, пытается отыскать свою ускользающую любовь. Его короткое путешествие из Шинона в Париж изобилует мистическими предзнаменованиями, что заставляет его полностью пересмотреть своё мировоззрение, а желанное забвение, в конце концов, всё-таки оставляет его, обнажая жестокую реальность.

Пока не наступили сумерки

Из цикла «Письма с Монмартра»

Константин Готье

© Константин Готье, 2017

ISBN 978-5-4485-5820-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«Дорогая Изабель!

Я только что вернулся в Париж из своего короткого путешествия и сразу же приехал сюда.

Здесь тихо, спокойно, и ничто не помешает мне написать это коротенькое письмо. Рассказчик из меня так себе, поэтому, надеюсь, ты простишь мне скудость описаний и прыгающий стиль. Впрочем, это не важно. Если у моей поездки и была какая-то цель, то можно сказать, что она достигнута. Во всяком случае, я понял.

Итак. Когда я приехал в Шинон, погода стояла великолепная: около восемнадцати градусов тепла, щадящее солнце, да легкий ветерок, который уносил с собой все тревоги и беспокойства большого города.

Со времени нашего совместного посещения город практически не изменился. Все также закрыт замок Милье; как и раньше переваривает немногочисленных туристов форт дю Кудре и музей Старого Шинона; как обычно пьют в доме виноделия; и Вьена неспешно несет свои воды в подарок Луаре.

Цель моей поездки – музей Рабле в Девиньере находился в двух километрах отсюда. Поэтому, легко перекусив, я отправился туда пешком, что по такой прекрасной погоде было одним удовольствием.

Небо за исключением пары перистых облачков было чистым, и поначалу ничто не предвещало изменений, но когда я добрался до Девиньера, поверь, я промок до костей. Мистика, да и только: после того, как дорога повернула налево, и небо скрылось под сводом деревьев, моментально посвежело, а после того, как я вновь оказался на открытом пространстве и посмотрел вверх, оно оказалось сплошь затянуто сизыми тучами. Хлынуло сразу, и я на своей шкуре испытал на себе выражение «льёт, как из ведра». Я был уже на полпути, возвращаться было поздно, и я припустил вперёд в надежде, что старая семейная гостиница на окраине города будет ещё открыта. Оставшийся километр я проделал со спринтерской скоростью; дополнительных сил мне предало зрелище, как метрах в пятидесяти от меня удар молнии мгновенно испепелил старую, почти иссохшую сосну.

Мне повезло. Гостиница оказалась на месте, и уже через пятнадцать минут я слушал торопливую болтовню хозяина.

Мсье Люк, маленький плотный человек лет пятидесяти, был почти лыс; оставшиеся, будто прилипшие к черепу волосы, были седыми, круглое добродушное лицо было вдоль и поперек испещрено морщинами, а маленькие глазки ни чем не останавливались больше секунды, что, впрочем, не производило, как это обычно бывает, неприятного впечатления.

Было очевидно, что сейчас посетителей было мало, и он истосковался по душевной беседе. Хозяин часто-часто мелко кивал, будто боялся, что разговор с долгожданным собеседником вот-вот прекратится.

Его супруга являла собой его полную противоположность. Она была худа, как кошка священника, и на голову выше своего мужа. В тонких, аристократических чертах лица без труда читалась былая красота; особенно выделялись карие, почти черные глаза и резко очерченный нос. Сначала я принял её за итальянку, но потом изменил свое мнение: кроме необходимых для новоприбывшего приветствий и пары стандартных фраз, когда она показывала мне комнату, я не услышал от неё ни слова, что для уроженки Апеннин было просто невероятно.

Во время ужина со словоохотливым хозяином я время от времени украдкой бросал на неё взгляды: она подавала на стол, но в беседе участия не принимала, и ни тени улыбки или оживления не промелькнуло на её печальном лице.

Ужин удался на славу. Хозяин, как оказалось добрый малый, изредка прерывал изливающийся из него, как из ро-

га избытка, поток информации о местных новостях и комментировал каждое блюдо. Предметом его особенной гордости были, конечно же, помидоры. Якобы он долгие годы потратил на выведение какого-то небывалого сорта, и, наконец, пару лет назад его старания увенчались успехом. Томаты и вправду были сочными, мясистыми, сладкими, и, к тому же, огромных размеров, в чём хозяин видел свою несомненную заслугу. (Что до меня, то я придерживаюсь мнения, что после того, как в Шиноне обосновалась атомная электростанция, проблема выведения новых сортов отпала сама собой).

Мое умение слушать чуть было не сослужило мне плохую службу. Кролик под горчичным соусом был уже почти переварен и наверно готовился к очередному воплощению, мы выпили почти три бутылки, а словоохотливый хозяин и не думал меня отпускать. В предвкушении отдыха я слушал вполуха: полдня дороги, гроза и пережитые тревожные моменты, да сытный обед располагали ко сну. Несколько раз я тактично зевнул, но месье Люк заливался соловьем и не нуждался ни в моих кивках, ни к слову вставляемых междометиях. На помощь неожиданно пришла хозяйка и доходчиво растолковала мужу мое состояние.

Как только я поднялся в свою комнату, то даже раздеться не успел: сон свалил меня сразу и бесповоротно. Я смертельно устал, к тому же обстановка, а её совсем не коснулся прогресс, располагала. Всё было старо и мило: и громоздкий

старинный комод, и под стать ему шкаф с зеркалом в резной оправе, и тяжёлая дубовая кровать под балдахином, и незамысловатые вязаные салфеточки на столе. Одним словом, классическая «бабушкина спальня», хранившая атмосферу уюта и доброжелательности.

Я проспал не более двух часов, как что-то будто выдернуло меня из постели. Не думаю, что меня разбудила гроза, ведь когда я провалился в забытьё, погода неистовствовала с той же силой, что и теперь. Однако что-то, то, чего я не могу описать и выразить словами, изменилось. Обстановка, сам воздух вокруг меня приобрели некий неизвестный доселе оттенок. По прежнему стучал по крыше дождь, но теперь звук был глуше: дождь будто влипал в мягкую жижу; всё также завывал за окном ветер, но теперь он на последнем издыхании, словно раненая птица, долетал до окна и с погребальным звоном бился в стекло. Грома я не боялся. Грома я не боялся никогда, и никогда не обращал на него особого внимания; так и сегодня вечером: он был для меня не более чем звуковой фоном. Сейчас же я обратил на него внимание; я поймал себя на мысли, что он мне неприятен. Мне сложно это описать, но временами гром напоминал мне треск ломающейся под живой плотью кости, а иногда создавалось впечатление, что кто-то взял дохлую кошку и изо всех сил лупит ею по ржавой водосточной трубе.

Я стоял у окна, и в свете редких всполохов молнии чувствовал себя будто на острове или в магическом круге, а во-

круг меня бушевали некие силы, угрожая в любую минуту разметать мое хрупкое убежище, как карточный домик, добраться до меня и тогда... И вот что тогда – было непонятно. Наверно страхи, накопленные за века в наших генах и заботливо приберегаемые для определенного момента, были близки к тому, чтобы вырваться наружу. Я содрогнулся, прислушавшись к своим ощущениям, и застыл, как изваяние, боясь пошевелиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.